

UNITED WISDOM

Мадхьямака и йогачара: разные способы разобрать опыт

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-22-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Мадхьямака и йогачара: разные способы разобрать опыт

Эпиграф

> *«...нет ничего, что не было бы пустотно».*

Нагарджуна, «Коренные строфы о срединности», 24.19, заключительная часть. Наш перевод английского фрагмента, приведённого в академическом разборе Дэна Арнольда, §2b.

О чём эта статья

Вы читаете короткое сообщение: «Нужно поговорить». Слов всего два, а внутри уже произошло многое. Вспомнился вчерашний спор, появилось напряжение, возникла мысль, что отношения заканчиваются. В этом условном примере сообщение действительно получено. Но получено ли вместе с ним доказательство катастрофы? Где заканчивается событие и начинается мир, который успело построить восприятие?

Мадхьямака и йогачара — две влиятельные линии буддийской философии махаяны. Обе исследуют опыт ради освобождения от неведения и страдания, но предлагают разные способы проверки того, что кажется очевидным. Мадхьямака спрашивает, можно ли найти у явления независимую собственную природу. Йогачара обращается к работе сознания и к тому, как возникают различия между воспринимающим и воспринимаемым. Их разногласие глубже обычного противопоставления «мир существует» и «всё в голове». Мы рассмотрим необходимый минимум учения и затем отдельно попробуем современное чтение: как замечать поспешные выводы, не обесценивать реальные обстоятельства и оставаться ответственным за действия. Такое чтение не заменяет буддийский путь и не делает древнюю философию научно подтверждённой психологической методикой.

I. Два исследования внутри общего пути

Для начала полезно изменить сам вопрос. Эти школы не создавались как конкурирующие способы стать более эффективным работником или меньше переживать из-за переписки. Их задача принадлежит буддийскому горизонту освобождения: преобразовать отношение к опыту так, чтобы прекратилось цепляние, поддерживающее страдание.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Обе линии развивались в индийской махаяне и позднее влияли на другие буддийские культуры. С мадхьямакой прежде всего связано имя Нагарджуны, с йогачарой — Асанги и Васубандху. Названия обозначают исторически меняющиеся традиции аргументации, а не два неизменных набора ответов. Так их соотношение вводит академический обзор мадхьямаки.

Само слово «опыт» здесь требует осторожности. Современному читателю оно может означать только частное переживание: что я чувствовал сегодня утром. Буддийская философия рассматривает гораздо больше — восприятие, действие, причинность, привычку присваивать переживаемое, возможность освобождения. Поэтому разговор о сознании нельзя заранее свести к терапии, а разговор о пустотности — к упражнению в позитивном мышлении.

Представим другое условное затруднение. Человек убеждён: «Я всегда проваливаю важные разговоры». Один путь исследования проверяет, существует ли этот неизменный неудачник независимо от конкретных эпизодов, навыков, собеседников и обстоятельств. Другой исследует, как память отбирает эпизоды, ожидание направляет внимание, а внимание делает очередную ошибку особенно заметной. Это разные вопросы. Их можно сопоставить, но нельзя объявить тождественными.

Уже здесь появляется важное различение: философия исследует основания привычной уверенности, а наш жизненный пример помогает почувствовать вопрос. Пример не доказывает учение. Даже если человеку стало легче после пересмотра самоописания, отсюда не следует, что он установил истинность буддийской метафизики.

II. Мадхьямака: что значит отсутствие собственной природы

Ключевой термин мадхьямаки — шуньята, пустотность. Речь идёт об отсутствии свабхавы: собственной природы, благодаря которой вещь существовала бы сама по себе. Нагарджуна исследует зависимость явлений и понятий; пустотность не предлагается как особая скрытая субстанция. В разборе Нагарджуны этот вопрос связывается с тем, как мы закрепляем категории опыта.

Важно не перепрыгнуть от «не существует независимо» к «не существует вообще». Возьмём обычный стол. Он зависит от материала и изготовления, имеет части, выполняет функцию в определённой ситуации. Если его убрать, поставить чашку будет некуда. Его зависимость не делает чашку неуязвимой для падения. Вместе с тем ни одна отдельная ножка не является всем столом, а слово «стол» не создаёт предмет из ничего.

Это наш поясняющий пример, а не изложение конкретной главы Нагарджуны. Он показывает разницу между действующей вещью и вещью, которой приписали полную самостоятельность. Иногда именно добавленная самостоятельность становится

источником путаницы: будто предмет, человек или отношение обязаны сохранять одну сущность при любых условиях.

В отношениях такой ход особенно заметен. «Он невнимательный» может быть полезным кратким описанием повторяющегося поведения. Но затем описание становится приговором: невнимательность объявляется окончательной природой человека, а новые обстоятельства перестают учитываться. Пересмотр приговора не обязывает терпеть нежелательное поведение. Он позволяет точнее сказать, что произошло, что повторяется и на основании чего принимается решение.

Здесь легко ошибиться и превратить зависимость в бесконечное оправдание. На поступок повлияли воспитание, усталость и среда — следовательно, никто ни за что не отвечает. Но такой вывод не вытекает из самой зависимости. Если условия имеют значение, имеют значение и наши действия как часть условий. Возможность изменять их становится более понятной, а не менее нужной.

III. Почему пустотность не отменяет страдание и истину

Самая сильная проверка учения — не восхищение парадоксом, а возражение. Если всё пустотно, почему вообще можно говорить о страдании, пути и освобождении? В двадцать четвёртой главе «Коренных строф о срединности» Нагарджуна отвечает на сходное возражение. В академическом объяснении этого аргумента зависимость служит условием изменения: то, что было бы совершенно неизменным по природе, нельзя было бы прекратить.

Смысл для современного читателя можно исследовать через собственный пример. Условный человек говорит: «Тревога — это просто я». Если это буквально неизменная сущность, любые различия между утром и вечером, отдыхом и перегрузкой, одиночеством и поддержкой должны оказаться несущественными. Но он сам замечает различия. Уже поэтому полезнее исследовать, что происходит, чем объявлять состояние полным определением себя.

Нельзя, однако, обещать, что подобное исследование снимет тяжёлое состояние. Философский довод и помощь конкретному человеку — разные вещи. Состояние может иметь обстоятельства, требующие профессиональной помощи, изменения среды или долгой работы. Вопрос об отсутствии независимой сущности не устанавливает ни причину, ни нужную форму помощи.

Различение условной и предельной истины также не выдаёт разрешения лгать. В повседневном мире есть разница между правильным адресом и ошибочным, исполненным обещанием и нарушенным. Исследование окончательного основания

понятий не стирает эту разницу. Иначе философский язык просто прикрывал бы отказ проверять факты.

Разницу можно выразить через два несогласия, которые внешне относятся к одному предмету. В собственном условном примере человек оспаривает долг, потому что уже выплатил его. Для решения нужны сведения о платеже и договорённости. Другой вопрос касается того, существует ли долг независимо от участников, правил и предшествующих действий. Указание на такую зависимость не сообщает, состоялся ли платёж. Это разные способы изменить исходное утверждение: исправить факт или пересмотреть предполагаемый способ существования. Если смешать их, слово «пустотно» начинает выполнять чужую работу — будто оно само закрывает спор о задолженности. Если различить, исследование основания не мешает устанавливать факты. Более того, становится яснее, какое возражение вообще относится к делу: сведения о переводе денег могут изменить вывод об исполнении обязательства, а философский довод о зависимости не заменяет этих сведений. Аналогия поясняет различение вопросов и не является самостоятельным доказательством мадхьямаки.

Можно сказать так: краткое описание необходимо для действия, но ему не обязательно становиться последней истиной о мире. Мы вправе пользоваться словами «дом», «договор», «я», не утверждая, что каждое обозначение обнаруживает отдельную вечную сущность. Такая дисциплина языка особенно ценна там, где один удачный ярлык начинает заменять исследование.

IV. Йогачара: опыт приходит уже организованным

Йогачара рассматривает, как сознание участвует в появлении переживаемого мира. Термины читтаматра и виджняптиматра часто передают как «только сознание» или «только представление». Их философский смысл спорен: одни исследователи видят сильный идеализм, другие подчёркивают анализ доступа к опыту. Обзор йогачары показывает внутреннее разнообразие текстов и этих интерпретаций.

Для входа в проблему не требуется сразу решать спор о существовании внешнего мира. Достаточно заметить, что восприятие не похоже на доставку полностью готового смысла. На экране две фразы, а человек встречает угрозу, просьбу, распоряжение или приглашение. Происходит переход от знаков к ситуации. Он может быть разумным, ошибочным, частично проверенным или пока неизвестным.

Возьмём условный рабочий разговор. Руководитель говорит: «Вернёмся к этому завтра». Сотрудник слышит отказ. Другой сотрудник слышит признание важности задачи. Третий замечает только календарный срок. Разные прочтения не означают, что все они верны, и

не уничтожают возможность уточнить намерение руководителя. Они показывают, что личная уверенность уже содержит работу восприятия.

При этом «участие сознания» слишком слабая формула, чтобы исчерпать историческую йогачару. Она годится как современный вход, но некоторые тексты защищают гораздо более радикальную позицию. Свести школу к банальному наблюдению «люди иногда ошибаются» значит сделать её удобной ценой потери содержания.

Нужно удержать обе стороны. Учение нельзя рекламировать как доказанный факт нейронауки; его нельзя и обезвредить, оставив только общеизвестный совет проверять догадки. Философская трудность находится между этими упрощениями: как объяснить структуру опыта и что такое объект, который дан сознанию? Даже несогласный с предложенным ответом читатель может признать серьёзность вопроса.

Учение о трёх природах позволяет сделать этот разбор точнее. В изложении Васубандху воображаемая природа относится к тому, как опыт принимается за существование самостоятельного предмета и воспринимающего Я; зависимая — к обусловленному процессу возникновения этого опыта; совершенная — к отсутствию приписанного существования и двойственности. Разбор трёх природ в SEP показывает, что речь идёт о связанных аспектах, а не о трёх этажах мира, на верхнем из которых спрятана ещё одна субстанция.

Наше сравнение с мадхьямакой теперь получает более определённый вопрос. Одно дело — показать, что приписываемая самостоятельность не выдерживает анализа. Другое — объяснить, как возникает само приписывание, какие условия его поддерживают и что меняется при прекращении ошибки. Эти задачи могут пересекаться, однако их постановка и философский словарь различаются.

Поэтому совершенная природа не должна превращаться в красивое имя для моего «настоящего Я». Такой вывод возвращает самостоятельную сущность именно туда, где исследуется её отсутствие. Не следует также понимать зависимую природу как простое признание, что мысли влияют на настроение. Сотериологический вопрос йогачары касается глубокой организации опыта и освобождения, а не только удобной смены житейского объяснения.

Для чтения важно удержать две стороны вместе. Возникающий опыт не обязан существовать так, как мы его принимаем; отсутствие приписанного существования не означает отсутствия обусловленного процесса. Если потерять первую сторону, критика превращается в новую метафизическую опору. Если потерять вторую, она становится бессодержательным отрицанием всего происходящего. Это различение помогает понять, почему спор школ требует большего, чем выбор между словами «мир» и «сознание».

V. Привычки восприятия без вечной души в глубине

Почему вчерашняя привычка влияет на сегодняшний опыт, если всё меняется? Йогачара предлагает язык «семян» и алая-виджняны, часто переводимой как сознание-хранилище. В обзоре Васубандху эта модель объясняет непрерывность и отложенные последствия действий без введения постоянного атмана.

Понятие нельзя просто отождествить с бессознательным в современной психологии или назвать древним описанием памяти мозга. Модель принадлежит своему религиозно-философскому контексту, включая карму и путь освобождения. Сходство слов «след», «привычка», «память» ещё не доказывает совпадение теорий.

Наше современное наблюдение гораздо скромнее. Если человек много раз ожидал унижения в споре, новый спор может быстро обрести знакомый рисунок. Он не обязательно намеренно выбирает такое прочтение. Но и превращать это наблюдение в окончательное объяснение его биографии нельзя: возможно, нынешний собеседник действительно унижает его. История восприятия и нынешняя ситуация способны действовать одновременно.

Это принципиально для ответственности. Человек может участвовать в построении значения, не быть виновным в каждом причинённом ему вреде. И наоборот: наличие привычной реакции не означает, что любую свою ответную жестокость можно объявить автоматической и поэтому безразличной. Между обвинением себя во всём и отрицанием любого участия есть место точному разбору.

Практический вопрос здесь звучит иначе, чем «какая у меня скрытая сущность?». Он спрашивает: что я замечаю первым, что пропускаю, какое объяснение возникает раньше проверки, какое действие обычно следует? Ответ остаётся пересматриваемым. Один эпизод не доказывает универсальную закономерность, а обнаруженный повтор не становится судьбой.

VI. Разногласие, которое нельзя стереть красивым объединением

Можно ли считать мадхьямаку и йогачару двумя половинами одного учения? Сопоставлять их полезно, но объявлять заранее согласованными было бы неточно. Спор касается, среди прочего, того, какую роль можно отдать сознанию в объяснении реальности и не превращается ли объясняющая основа в новую самостоятельную сущность. История включает и критику, и попытки сочетания подходов.

Чтобы почувствовать проблему, воспользуемся собственной аналогией. Один исследователь замечает, что карта зависит от целей, масштаба и правил изображения.

Другой подробно изучает процесс изготовления карты. Второй может ответить на вопросы, которые первый оставил открытыми. Но затем первый вправе спросить: не объявили ли вы сам процесс изготовления совершенно независимым и окончательным основанием?

Эта аналогия ничего не говорит о том, как конкретный буддийский автор ответил бы на каждый вопрос. Она помогает различить две интеллектуальные задачи. Описание механизма не всегда снимает вопрос о его статусе. А критика независимого основания не всегда объясняет, как возникает конкретное переживание.

Популярное объединение часто возникает из желания немедленно получить мировоззрение без неудобных споров. «Они все говорили одно» кажется миролюбивым. Но уважение к традиции иногда требует признать, что авторы считали разногласие существенным. Иначе мы оставляем их имена, заменив их вопросы своими ответами.

Современному человеку необязательно выбирать победителя. Можно исследовать, что каждый подход заставляет заметить, где возникает несогласие и какие предпосылки кажутся убедительными. Такая открытость отличается от произвольного смешивания. В первом случае границы названы; во втором их отсутствие выдаётся за высшую мудрость.

У разногласия есть ещё одно достоинство: оно отделяет вопрос от потребности немедленно получить согласие. Современный читатель привык искать позицию, в которой не останется противоречий, а затем использовать её как универсальный ключ. Но человеческие ситуации нередко требуют нескольких описаний. Разговор можно исследовать как обмен словами, как историю ожиданий, как отношение сил и как принятое обязательство. Ни одно описание не обязано автоматически уничтожать остальные.

Допустим, в условной семье один человек регулярно обещает помочь и не выполняет обещанное. Другой замечает, что сам болезненно реагирует на неопределённость. Эти сведения совместимы. Было бы ошибкой сказать: раз реакция имеет свою историю, нарушение обещания стало иллюзией. Было бы другой ошибкой сказать: раз обещание нарушено, в собственном восприятии исследовать больше нечего. Разные вопросы позволяют сохранять сложность, которая необходима для решения.

При этом множество описаний не означает, что требуется бесконечное размышление. Иногда уже достаточно известно, чтобы действовать. Мы знаем, что договорённость нарушена, что повторение причиняет конкретный ущерб и что прежний способ разговора не помог. Новое исследование может уточнить действие, но не обязано откладывать его до полной философской ясности. Ответственность существует среди незавершённых объяснений.

Проверка собственной уверенности должна также различать сомнение и беспомощность. «Моё объяснение может быть неполным» оставляет возможность спрашивать и исправлять. «Ничего нельзя знать» закрывает такую возможность. У первого утверждения есть рабочее продолжение: какие сведения изменят вывод? У второго продолжения нет, и именно поэтому оно иногда оказывается удобной защитой от неприятного факта.

Эта разница помогает читать сложные традиции без потребительской спешки. Мы вправе не понять довод с первого раза, не выбрать школу и не превратить каждую идею в немедленный инструмент. Медленное чтение тоже может быть полезным действием. Оно учит выдерживать вопрос, не подменяя его тем ответом, который легче всего включить в привычную картину мира.

VII. Три привлекательные ошибки

Первая ошибка — сделать из пустотности эмоциональный приказ: «Ничего нет, поэтому перестаньте переживать». В этом случае философию используют для подавления человека. Но переживание уже есть как событие опыта. Его исследование не начинается с требования исчезнуть.

Вторая — превратить йогачару в лозунг, будто индивидуальная мысль по своему желанию создаёт всё происходящее. Отсюда легко перейти к обвинению пострадавшего: значит, он сам «сотворил» несправедливость. Ни буддийский анализ сознания, ни философский идеализм сами по себе не дают такого вывода. Нужно отдельно объяснить, почему событие возникло, кто действовал, что можно проверить и какие меры доступны.

Третья — найти под всеми различиями вечное единое Я и назвать его буддийским итогом. Такое соединение может принадлежать собственной современной мировоззренческой позиции, но его нельзя без объяснения приписать этим школам. Общие слова о глубине и единстве не стирают буддийского вопроса о не-я.

Есть и более тонкая ошибка: пользоваться сомнением только против неприятных выводов. Когда похвала приятна, мы принимаем её буквально; когда критика болезненна, объявляем всё условным. Тогда философский инструмент обслуживает прежнее цепляние. Содержательная проверка должна допускать пересмотр и льстивого, и пугающего описания.

Например, «я совершенно незаменим» может удерживать человека в перегрузке сильнее, чем «я недостаточно хорош». Оба утверждения способны спрятать условия и конкретные обязательства под огромным словом «я». Можно проверить распределение работы, договорённости, реальные последствия отказа и доступную помощь. Ни гордость, ни страх не заменяют этих сведений.

VIII. Сходный вопрос о Я может вести к противоположным основаниям

Сравнивать философии опыта следует по тому, что их вопрос делает с основанием знания. Сходное сомнение не гарантирует сходного ответа. Особенно отчётливо это видно там, где исследуется воспринимающее Я: его можно искать как надёжную опору, объяснять как последовательность или проверять саму потребность в независимой опоре.

У Декарта сомнение приводит к достоверности существования мыслящего в самом акте мысли. Академический разбор cogito, §4.1, уточняет: этот первый шаг ещё не предполагает готовой полной метафизики субстанциального Я. Поэтому было бы неточно сразу противопоставить каждую его фразу буддийскому не-я. Но направления исследования различаются. Декарт добивается основания, способного выдержать сомнение; мадхьямака ставит под вопрос независимый статус предполагаемых оснований. Общим является серьёзность проверки, а не найденная последняя сущность.

Иное соседство возникает с Юмом. В разборе его личной тождественности постоянное Я не обнаруживается как отдельное впечатление; обсуждается связка восприятий, причём сам Юм отмечает затруднение своего объяснения. Это помогает поставить вопрос о непрерывности без готового владельца опыта. Однако последовательность восприятий у Юма не превращается от сходства формулы в алая-виджняну. Карма, освобождение и буддийское исследование двойственности задают иную работу понятий. Совпадение отрицательного шага ещё не даёт общего положительного учения.

Наконец, Спиноза показывает предел популярного лозунга о всеобщей взаимозависимости. Его конечные модусы существуют в единой необходимой субстанции; это изложено в SEP-разборе «Этики» I. У мадхьямаки пустотность не должна превращаться в такую окончательную субстанцию. Оба подхода ограничивают представление об изолированном конечном существовании, но по-разному отвечают на вопрос, что делает эту зависимость возможной.

Для чтения исходного сообщения это различие существенно. Мы можем исследовать уверенность, историю восприятия и основания слов, не обещая, что каждый путь исследования приведёт к одному мировоззрению. Сравнение расширяет вопрос. Оно не выдаёт ощущение узнавания за доказательство согласия и не подменяет буддийский путь универсальной психологией.

IX. Завершение: ясность не обязана становиться последним словом

Мадхьямака и йогачара привлекательны не потому, что дают быстрый способ победить неприятное чувство. Они ставят под вопрос ту лёгкость, с которой опыт кажется уже окончательно понятным. Уверенное имя вещи, привычный образ себя и моментально прочитанное намерение другого человека могут содержать больше предпосылок, чем видно сначала.

Разные вопросы сохраняют разную работу. Проверка независимой сущности ослабляет превращение временного описания в окончательный приговор. Исследование построения опыта показывает участие сознания в том, что воспринимается как непосредственно данное. Ни один из этих ходов не избавляет от проверки обстоятельств и ответственности перед другими.

Для читателя, который не принимает буддийские религиозные предпосылки, здесь остаётся возможность честного разговора. Можно исследовать аргумент, не заявляя о собственном пробуждении. Можно признать сложность восприятия, не отрицая существования соседей. Можно внимательнее относиться к словам, не отказываясь от обещаний и границ.

Вернёмся к двум словам на экране. Возможно, разговор окажется трудным. Возможно, речь пойдёт о совершенно другом. Пока различие между сообщением и готовой историей остаётся видимым, человек располагает небольшим пространством для проверки и выбора. Это ещё не освобождение в буддийском смысле. Но это уже более точное обращение с тем опытом, который действительно происходит.

Что это значит на практике

Предлагаемое далее — современное упражнение в ясности, вдохновлённое различием вопросов, а не традиционная практика йогачары или мадхьямаки. Выберите небольшой эпизод, в котором решение можно пересмотреть без большого риска. Не начинайте с события, которое сейчас слишком тяжело исследовать.

Сначала опишите произошедшее словами, которые другой участник мог бы проверить. «Ответ пришёл через два дня» точнее, чем «меня снова отвергли». После этого запишите собственное прочтение и переживание. Они важны, но принадлежат разным слоям описания.

Теперь примените первый вопрос: на каких условиях держится ваше определение ситуации? Если это «отношения разрушены», какие события его поддерживают, какие могли бы изменить, чего пока неизвестно? Не требуется добиваться утешительной

версии. Иногда проверка действительно обнаруживает серьёзное нарушение договорённостей.

Затем примените второй вопрос: как сложилось именно это прочтение? Что вы заметили первым, какое воспоминание появилось, что добавилось к буквальным словам? Не называйте каждую реакцию ошибкой. Если прошлый опыт помог вовремя заметить опасность, это тоже нужно сохранить.

В условном примере с сообщением разумным шагом может стать уточнение темы разговора. Если уже есть ясное повторяющееся нарушение, шагом может быть обозначение границы. Если сведений нет, допустимо оставить вывод открытым. Упражнение завершается не обязательным спокойствием, а более различимой картиной: событие, интерпретация, неизвестное, возможное действие.

После действия полезно вернуться к первоначальному описанию. Подтвердилось ли предположение? Изменилось ли понимание? Что произошло независимо от ожиданий? Такая обратная проверка защищает размышление от превращения в красивую историю, которая никогда не встречается с обстоятельствами.

Иногда проверить намерение невозможно. Тогда полезно перейти от недоступного знания к доступному выбору. Например, можно назвать срок, необходимый вам для ответа, попросить письменную договорённость или отказаться от обязательства, условия которого остаются неясными. Это не победа над другим человеком и не демонстрация философского превосходства. Это способ действовать, не выдавая предположение за установленный факт.

Наконец, упражнение не нужно использовать как способ перевоспитать собеседника. Фраза «ты просто проецируешь» обычно не проверяет ничего, но легко отнимает у другого право описывать пережитое. Можно предложить совместно уточнить событие. Нельзя заранее назначить себя тем, кто видит реальность, а другого — тем, кто целиком состоит из иллюзий. Даже прекрасный философский словарь не даёт такого полномочия.

Вернуться к сообщению теперь означает проверить один доступный вопрос, а не создать окончательную теорию собеседника. Именно здесь два философских направления сохраняют разную работу: исследовать закреплённое основание и исследовать появление прочтения.

Ключевая цитата

> *«То, что появляется, — зависимое. Как оно появляется — воображаемое. Потому что зависит от условий. Потому что является лишь вымыслом».*

Васубандху, «Изложение трёх природ», строфа 2 целиком; наш перевод английской версии в SEP, §4.3. Строфа связывает появление опыта с зависимостью от условий и отличает его от приписанного способа существования. Поэтому вопрос не завершается ни признанием неподвижного предмета, ни отрицанием самого появления.

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Таблица показывает общий вопрос и предел сходства; историческое влияние не устанавливается одним совпадением формулировок.

Позиции	Сходство	Граница
Мадхьямака ↔ Спиноза	Конечное не рассматривается как полностью изолированное.	У Спинозы есть единая субстанция; пустотность не вводит такую основу.
Йогачара ↔ Эпиктет, §5	Прочтение происходящего требует собственной проверки.	Стоическое суждение не тождественно буддийской модели появления объекта.
Алая-виджняна ↔ Юм	Возникает вопрос о непрерывности без неизменного владельца.	Кармические семена не являются юмовской связкой впечатлений.
Мадхьямака ↔ Декарт	Очевидность проходит философскую проверку.	Проверка независимых оснований и поиск достоверности cogito имеют разные задачи.
Три природы Васубандху ↔ Нагарджуна	Явление не обязано существовать так, как мы его принимаем.	Связанные аспекты появления не заменяют аргумента против собственной природы.

Первоисточники

• Vasubandhu. Stanford Encyclopedia of Philosophy. §4.3: три природы и недвойственность.

• Richard P. Hayes. Madhyamaka. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Введение, §1, §§3–5: статус школы, пустотность и различия способов аргументации.

• Douglas Berger. Nagarjuna. Internet Encyclopedia of Philosophy. Введение и философское изложение: собственная природа, зависимость, место Нагарджуны.

• Dan Arnold. Madhyamaka Buddhist Philosophy. Internet Encyclopedia of Philosophy. §§1–3, особенно §2c: возражение о нигилизме и аргумент главы 24 MMK; первичный текст здесь прочитан через ограниченный академический разбор.

• Szilvia Szanyi. Yogācāra. Stanford Encyclopedia of Philosophy. §§1–3: история текстов, модели сознания, три природы и современный спор об идеализме.

• Vasubandhu. Internet Encyclopedia of Philosophy. §6: сознание-хранилище, «Двадцать строф» и «Тридцать строф».

• Descartes’ Epistemology. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академический разбор сомнения и cogito..

• David Hume. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академический разбор личной тождественности и затруднения в Приложении к Трактату..

• Baruch Spinoza. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академическое изложение единой субстанции и конечных модусов..

• Эпиктет. Энхиридион, §§1, 5, 51, перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: представление, суждение и осуществление философии..

Теги

мадхьямака, йогачара, Нагарджуна, Васубандху, махаяна, шуньята, свабхава, зависимое возникновение, две истины, не-я, читтаматра, виджняптиматра, алая-виджняна, три природы, воображаемая природа, зависимая природа, совершенная природа, двойственность, восприятие, сознание, карма, освобождение, идеализм, солипсизм, Декарт, Юм, Спиноза, Эпиктет, ответственность, философское сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.